

ЛИЦО МОРЯЦКОЕ

Художник Константин Куксо
Т-7 Парк - 1995 - 6 апр. - с. 2, 9.

МИХАЙЛОВ

После «Приезжей» (1978), одного из самых дорогих, любимых его фильмов (смотрите во вторник на канале ТВ-6), и «Мужиков» (1982) он вошел в число популярнейших российских актеров. Но знаете ли вы, что Александр Михайлов, казалось бы родившийся актером, был и остается в душе моряком?

- Я родился и рос в Забайкалье, на станции Степь. Моря в глаза не видел, но влюбился в него без памяти еще мальчиком. Мама хотела, чтобы я стал музыкантом (мы жили вдвоем), купила мне однажды двухрядную тульскую гармошку — через месяц я ее поменял на тельняшку. Хотела сделать из меня фотографа, купила «Смену-2» — так я ее поменял на бескозырку. После чего был полностью экипирован в морскую форму и бит полотенцем...

— Тем не менее вам удалось убедить маму, что у вас другое призвание...

— Слезами, мольбой уговорил переехать во Владивосток. В мореходку, однако, не приняли — года не хватило. Поступил в ремесленное. Потом сбежал на корабль и буквально упал на колени перед капитаном: возьмите. И меня взяли.

— Что же отлучило вас от моря?

— Однажды в жестокий шторм перевернулись четыре сейнера, погибли 76 человек. На моих глазах погибли... Мама об этом узнала, и, когда мы вернулись после четырех месяцев плавания, она сказала: «Или море — или я». И я вынужден был списаться на берег...

Страшно тоскуя по морю, работал на заводе. Случай привел на дипломный студенческий спектакль, по чеховскому «Иванову». Я испытал сильнейшее потрясение. Но только через два года рискнул поступать на актерский факультет Дальневосточного института искусств. Меня выслушали ради приличия — и дружно забраковали. И лишь один человек из приемной комиссии, Вера Николаевна Сундукова, — низкий ей поклон — сказала: «В этом парне что-то есть». И настояла, чтобы меня приняли, несмотря на мое семилетнее(!) образование. Ума не приложу, как это ей удалось. С тех пор утекло много воды. За спиной четверть века работы в периферийных и московских театрах, почти пять десятков ролей в кино. Но я по-прежнему рвусь к морю. Приехав на побережье, первым делом стараюсь ступить на палубу...

ЛИЦО ВЕРУЮЩЕЕ

- Вы, насколько я знаю, верующий человек... Давно?

— Лет с шестнадцати. Я стал спрашивать себя: кто я? Откуда? Зачем? Узнал о своих предках, увлекся историей... Сначала это были беседы со стариками, популярная литература. Затем Карамзин, Соловьев, Библия, Евангелие... Особенно интересовала меня эпоха Ивана Грозного. И интересуется. Потому так дорого предложение сыграть главную роль в спектакле «Смерть Иоанна Грозного», который в родном моем Малом театре ставит Владимир Драгунов. Сейчас живу этим спектаклем, ни о чем другом не могу думать. Надеюсь, премьера состоится в марте.

— Но был какой-то толчок, после чего вы пришли к Богу?

— К этому я шел постепенно... Свою роль сыграл очень важный для меня разговор с отцом, когда он открыл мне, что я происхожу из казаков — в то время это предпочитали скрывать. Дед был выслен в Забайкалье сразу после гражданской — тогда шло уничтожение казачьего сословия. Мама у меня из чалдонов — это люди крепкие, твердых убеждений.

— Что изменила в вас вера?

— Этот вопрос требует исповеди, большой исповеди... Я бы хотел, чтобы это оставалось со мной, во мне...

Недавно побывал на обряде крещения на уникальном источнике Сергея Радонежского, возле Сергиева Посада. Я был свидетелем потрясающего единения людей, на себе испытал совершенно удивительное очищение — физическое, духовное, душевное...

— Я где-то слышал или читал, что вы собирались уйти в монастырь.

— Это мой однофамилец ушел. У меня пока таких мыслей нет.

— Многие сейчас верят в Бога в душе, но не соблюдают обрядов. Вы соблюдаете?

«Мужики!...»

— Стараюсь соблюдать... Это очень личное... Иногда приходишь в церковь — и такая благодать наступает, такое освобождение! Раскрепощаются мышцы. И ты можешь стоять по несколько часов и чувствовать, как в тебе происходит что-то удивительно светлое.

ЛИЦО НЕ ДОНЖУАНСКОЕ

У нас так повелось, что люди искусства не любят говорить о своей личной жизни. Но что плохого, например, в том, если почитатели таланта актера Михайлова узнают, что он любит читать...

— ...Джека Лондона. Его книги воспитали во мне мужское начало. Знаете, когда я ходил в море, в любой шторм привязывал себя на палубе и получал дикое

наслаждение, когда меня накрыла волна. Я выдерживал это, стиснув зубы, а затем хохотал — это от Джека Лондона.

Я абсолютно убежден, что если основная часть молодежи прикоснется к творчеству этого замечательного, удивительного, мужественного человека — ее потянет на добрые и мужественные поступки.

— У меня ощущение, что женщины всю жизнь не дают вам прохода...

— Нет, нет, я совсем не Дон Жуан, это с детства. Я был очень закомплексован, убежден был, что меня — длинного, тощего — красивая девушка в упор не увидит. Я стеснялся своих костей. Меня звали Мослом, Скелетом, Эйфелевой башней, и это наложило отпечаток. На школьных вечерах я почти не танцевал. Если влюблялся, то платонически. Помню, с ума сходил по одной девушке, решил, наконец, подойти к ней, а она полудинично отшила...

— Как вы считаете, может мужчина всю жизнь прожить с одной женщиной в любви и согласии? Многие нынче считают супружескую верность чуждым ли не анахронизмом...

— Для меня идеальный пример: тесть с тещей. Тесть, Мусатов Константин Константинович, адмирал флота, к великому сожалению, уже ушел из жизни, он как бы заменил мне отца... Так вот, они прожили более пятидесяти лет в любви и согласии. Причем полюбили друг друга еще в школе, в первом классе...

С женой, Верой Мусатовой, мы прожили 27 лет. Все было в нашей жизни. Я не ангел, бесы водили мной... Но была, есть у нас здоровая основа, и это помогает нам жить.

Дом с женой и сыном

Кто из них хозяин?

— Вы с Верой познакомились...

— Во Владивостоке, учились в одном институте, она на музыкальном факультете, я — на актерском. Любопытно, что три месяца, не сговариваясь, не зная друг друга, мы вешали свои пальто на одной вешалке, рядом. Я привык здороваться с пустым рукавом: привет, приятель. И когда вдруг «е» место оказалось пустым день, второй, я почувствовал беспокойство. Потом узнал: она болела...

И вот мы увиделись. Она сказала: вы очень похожи на любимого моего актера Бруно Оя — как раз тогда вышел фильм «Никто не хотел умирать». Я ответил почему-то резко. А через несколько дней впервые встретились у вешалки: мы-то, оказывается, давно знакомы. Пошли вместе в кино. Помню, случайное прикосновение ее руки пронзило меня током, первый поцелуй был много позже... И вот нашему сыну Косте уже 26-й год.

— Он пошел по стопам отца?

— Отслужил в армии, на се-

бе испытал дедовщину — это на него сильно повлияло. Учился на актера два года у Табакова, но ушел. Заканчивает Высшие режиссерские курсы, уже снял дипломный фильм.

— Актерская профессия, как известно, связана с нервными перегрузками. Как вы «отходите» после спектакля?

— По-разному... Иногда зажигаю свечу и погружаюсь в себя. Этим освобождаюсь от стрессов, от бесовства.

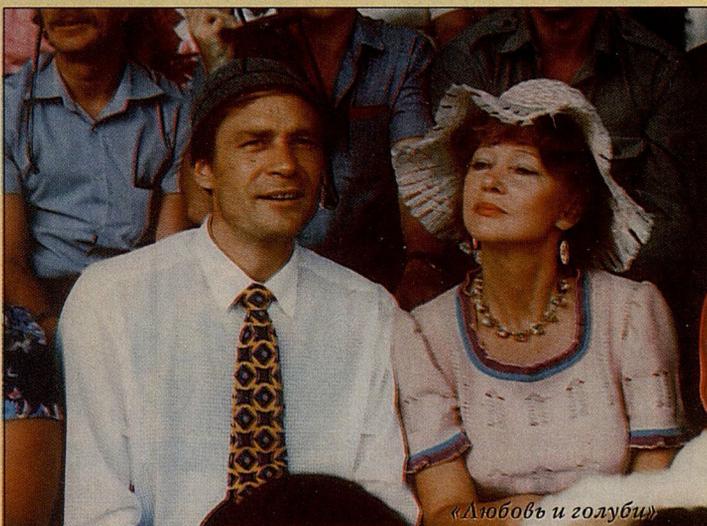
— А к помощи спиртного не прибегаете?

— Нет. Могу и выпить немного — но в компании. Тогда у меня начинают чесаться руки, беру гитару... И доставляю радость себе и друзьям.

— Вам уже пятьдесят, но вы по-прежнему стройны и выглядите не по годам молодо... Благодаря спорту?

— Благодаря генам и самолюбию — спорт ушел в прошлое. Если постоянно себе внушать, что все у тебя нормально, в это начинаешь верить... Стараюсь больше бывать на свежем воздухе, на природе. У нас есть американский коккер-спаниель — Биллом его назвали, в честь Клинтона. Приходится выгуливать его. Впрочем, это надо еще подумать, кто кого выгуливает...

Беседу вел
Геннадий Белостоцкий

«Любовь и голуби»

«Свободное падение»